

Валерий Рубин г. Брамптон, Канада

Пушкин, который жил на Бугорках

«Волны памяти всё чаще уносили в те, увы, уже далёкие годы... Неужели старею?» – подумал Старик.

Бугорки... Самые, наверное, по-детски счастливые дни в жизни.

Бугорки – малюсенькая, на дюжину домов улочка на окраине Питера, за Троицким полем, на границе с посёлком Рыбацкое. Там, где проспект Обуховской Обороны плавно переходит в Рыбацкий. Пройти оставшиеся от войны бетонные противотанковые надолбы, установленные на тот случай, если бы фашисты прорвались, – здесь проходил внутренний пояс обороны Ленинграда, спуститься вниз – вот она...

Бугорки... Надо же, какое название... И впрямь, бугорки... Отсюда – пешком в школу, 2 км – не расстояние для молодых ног. Школа в Рыбацком – солидное каменное трёхэтажное здание на берегу Невы. Построенный по проекту Льва Шишко в 1909 году «Училищный дом» должен был стать архитектурным украшением всей округи и долгое время таковым являлся. Школа по праву считалась очагом просвещения в традициях лучших русских гу-

манитариев. Годы «реформ» превратили исторический памятник, объект культурного наследия в развалюху, проданную в 2006 году с аукциона и снесённую в угоду планам устроить здесь «дом отдыха»... Общественность билась за здание до конца, но... Современные школьные стандарты не позволяли восстановить учебное заведение, да и необходимость в нём отпала.

О самом Рыбацком известно, что поселение (или Рыбная Слобода) было создано по приказу Петра I. Сюда были переселены семьи нескольких десятков рыбаков, чтобы снабжать царский стол невской рыбой. Расположенное на Шлиссельбургском тракте оно занимало выгодное положение, постепенно расширялось и богатело. Рыбаки жили общиной, их миновало крепостное право. Возможно, это обстоятельство сыграло важную роль в ходе войны со шведами, когда на помощь флотилии адмирала Чичагина пришли галеры с морским народным ополчением. В честь их воинской доблести воздвигли обелиск, на фронтоне которого выбито: «Сооружён в память усердия села Рыбацкого крестьян, добровольно нарядивших с четырёх пятого человека на службу Родине во время шведской войны. 1789. 15-го июня».

...Домой иногда возвращались по «гонкам». Борька Котельников, рыжеволосый и веснушчатый, заводной, смешливый парнишка, – с ним всегда можно было поболтать, – ничего не имел против. С ним часто задерживались после уроков в классной комнате на первом этаже поиграть в шахматы. Другие ребята, одноклассники, жили в Рыбацком, а таких, как он с Борькой, «городских», в школе было мало.

Нева делает в этом месте крутой изгиб, и на всей его километровой протяжённости в природной заводи неподвижно стояли или, точнее, держались на плаву связки брёвен – затон, промежуточный пункт для лесосплава. Между ними, чтобы ходить, пролегла дорожка из узких плоских досок-плотиков, «мостики» по-здешнему. Можно было идти по ним, по воде, аки Иисус посуху, прямо

от дома до школы. Да и перепрыгивать с одного на другой, потому что мостки имели свойство проваливаться в воду. Тут уж не зевай...

Вот и ходили, хотя родители это не одобряли. Но что делать, мальчишки, разве остановишь...

Отколовшиеся от больших связок полузатонувшие брёвна, «топляки», баграми под покровом темноты вытаскивали на берег местные жители. На дрова. На берегу неподалёку располагалась конторка по «приходу-расходу» леса: сколько леса пришло, сколько – отправлено дальше вниз по течению Невы, на мебельные фабрики или по каким другим нуждам. Часть брёвен пилили здесь же, на открытом воздухе, продавали на дрова для отопления. Ну а связки брёвен – гонки – цепляли к буксирам и тащили дальше по реке к месту назначения.

Гонки имели ту важную особенность, что защищали берег от больших волн.

Возле лодочных причалов было спокойно: здесь в тихой и тёплой воде можно было поплавать, чем с удовольствием и пользовалась в летнее время ребятня. Ещё можно было половить рыбу, хотя клевала она тут плохо даже на утренней зорьке.

Отопление в домах было дровяное. Дрова готовили загодя, пилили, кололи, сушили, складывали в поленницы. Бабушкина чугунная печь кормила всех, возле неё грелись. Воду качали из колонки, расположенной на берегу. Хотя, правду сказать, вода в Неве была в то время чистая, питьевая. Носили вёдрами, заливали в умывальники, черпали ковшиком.

Дом, как и соседские, стоял на обрывистом берегу. Он был частным, двухэтажным, и в нём жили, по-родственному делили угол несколько семей. Здесь, в этом доме они и поселились, потеснив родственников, после демобилизации отца из армии, где тот служил в последние годы на военной базе в Забайкалье.

Дом принадлежал бабушке, она была хозяйкой и главой семьи. Бабушка по внешнему виду походила на гречанку: смуглая, темноволосая, кареглазая, тонкий нос с гор-

бинкой, просто красавица. О себе рассказывала неохотно. Во время погромов в Крыму погибли родные, её спас и принял в семью московский купец, дал свою фамилию, дал имя... Дедушка погиб на войне, его Старик никогда не видел, даже на фото.

Дядя Старика состоял в рыбацкой колхозной артели, ловил корюшку, ряпушку, миногу, окушков, плотву. Зимой чинил сети и бураки. Бураки – это такие плетёные конусообразные корзины, куда любопытная рыба заплывает, а вот выход найти из узкой горловины ума не хватает.

Минога была настоящим объедением – в жареном виде, в супе, маринованная...

В то время рыба в Неве ещё водилась. Как и другие члены артели, дядя сдавал улов на продажу. Работа была тяжёлой, день на день не приходился. Старик видел, когда дядя брал его на промысел с собой, как тот раз за разом вытягивал пустые мережки... Однажды поздней осенью дядя упал из лодки в воду. Стремнина едва не затянула его, но он чудом спасся, смог выплыть, выбраться на противоположный берег... Лодка позже нашлась.

Бедновато тогда жили, но на еду хватало, никто не жаловался: такое было время...

Из развлечений был телевизор с линзой (для увеличения изображения). К нему придвигали стулья, садились тесно, вытягивали шеи, – мешали головы впереди сидящих, – чтобы что-то увидеть на чёрно-белом экране.

И, конечно, подарком почитали походы в булочную, куда Старик ходил с сестрёнкой и младшим братом. Бабушка давала денег на батоны и французскую булку. Как же восхитительно они пахли! Свежие ароматные французские булки сводили с ума, удержаться, чтобы не отломить кусочек, съесть по дороге, было невозможно. Бабушка не ругала, но и не хвалила за самоуправство.

Бабушка была настоящей: и строгой, и доброй. В войну помогала штабистам 55-й армии, которые квартировали в здании школы. Была там своей, незаменимой.

Никогда не унывала, приговаривая, учила: «А ты, дорогой, не принимай все близко к сердцу...»

Что ещё из милых подробностей детства осталось в памяти Старика? Пожалуй, мороженое на палочке, шоколадное эскимо, ситро «Лимонад», ириски «Золотой ключик», квас... Всё это было доступно, но не каждый день. Детей не баловали, да они и сами понимали.

Во дворе дома был огородик с грядками под морковь и другую зелень. В дальнем углу стоял сарай, рос крыжовник, смородина чёрная и красная. Понятно, лакомились, когда приходила пора. Чуть дальше лентой вилась речка Мурзинка. По весне она превращалась в полноводный поток, затопляла подступы к огородику. Тогда ловились щурята, щучья молодь, практически голыми руками.

...Реку Неву от домов отделяла неширокая, засыпанная гравием дорога. Вниз вели кособокие, с провалами, ступеньки короткой лестнички, упирившейся в причал для лодок.

Лодки были, в основном, просмолённые, рыбацкие, но встречались и лёгкие прогулочные. Их чалили, крепили морским узлом к столбикам, торчащим из воды, толстыми канатами или железными цепями. Опасений, что своруют, не было, своим доверяли, хотя кое-кто всё же вешал на лодку замок. Лодка могла сама по себе отвязаться и уплыть при большом волнении, когда по Неве проходили крупные баржи, – вот и всё.

Нева была здесь широкой, судоходной, от берега до берега метров, наверное, не меньше чем триста, с сильным течением. На тот берег заплывать на лодках боялись – унесёт... Плавали на вёслах вдоль берега, до сада «Спартак» и обратно. Управлять тяжёлой посудиною было непросто, но гребля – прекрасный вид спорта, закаляет характер, крепнут мускулы. А мозоли... что мозоли? Пройдут.

Сад «Спартак». В саду «Спартак» проходили футбольные матчи на первенство города. Можно было попасть на Бурчалкина-Выручалкина, Завидонова, Храповицкого, Морозова... Соблазняла возможность

пробраться на стадион «водой», без билетов, но пользовались этим редко, было известно. За одну из команд играл сосед по дому, его почему-то все звали Пушкин. За внешнее сходство, наверное. Ребята были горды, что у них такой сосед, и болели за него, хотя он и числился в дубле, и вообще считался шалопаем, потому что не работал. Во дворе дома они натягивали рыбачью сеть вместо ворот, полем служила огромная стальная плита, невесть как сюда попавшая. И «стучали» по резиновому детскому мячику пока не надоеет.

На Старика вдруг накатили воспоминания. Перед глазами – Московский вокзал, куда доставил их поезд «Владивосток-Ленинград», кажется, под номером 1, делавший остановку в Чите. Чемоданы с пожитками. Они садятся в полупустой трамвай, который их везёт в новую жизнь в большом городе. Погожий, солнечный день. Троицкое поле. Мороженое, которое тает в ладони. Пересадка в автобус. Ещё десять минут – и они дома... Запах кожаных сидений, он сохранился, его ни с чем не спутать. Ему взгрустнулось...

– Дед, а дед, – обратилась к Старику внучка. – А ты разве не хочешь сейчас взглянуть на свои Бугорки? У «Гугла» есть карты любого города и улиц... Хочешь, со спутника покажу?

– Конечно же, давай, посмотрим...

– Ой, что это... Всё зелёное, и нет ничего... Деда, здесь написано, что улица снесена при застройке Рыбацкого, видны только фундаменты домов и сад...

«Вот оно как, – пронеслось в голове Старика. – Опоздал, выходит. И правду говорят: что много людей возводят годами, один может в одночасье разрушить...»

А вслух сказал:

– Ты сохрани мне эту картинку, пожалуйста. Для памяти...

страница автора

valeryrubin.com

